

УДК 159.9
ББК 88.3
Ю50

Серия «Философия – Neoclassic»

C. G. Jung
DIE ARCHETYPEN UND DAS KOLLEKTIVE
UNBEWUSSTEN
GESAMMELTE WERKE
NEUNTE BAND

Перевод *А. Чечиной*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается при содействии литературного агентства
Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг ; [перевод А. Чечиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 496 с. — (Философия – Neoclassic).

ISBN 978-5-17-108753-1

Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог, психотерапевт, философ, социолог и культуролог – один из выдающихся ученых XX столетия, ученик Зигмунда Фрейда, основоположник аналитической психологии и психотерапии, основатель и президент Швейцарского общества практической психологии.

Предлагаемый том представляет собой наиболее полное собрание лекций, статей и очерков Юнга об архетипах и коллективном бессознательном. Наряду с такими известными работами, как «Концепция коллективного бессознательного» и «Психологические аспекты архетипа матери», в издание включены лекции «О возрождении» и «О психологии образа трикстера», статьи «Психологические аспекты Керы», «Феноменология духа в сказках», «Сознательное, бессознательное и индивидуация» и другие. Кроме того, сборник содержит богатый иллюстративный материал с изображением мандал, на примере которых знаменитый психоаналитик рассматривает эмпирику процесса индивидуации.

УДК 159.9
ББК 88.3

© Walter Verlag AG, Olten, 1971
© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007
© Перевод. А. Чечина, 2018
Школа перевода В. Баканова, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

I

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО¹

---

¹ [Впервые очерк опубликован в 1934 г. в журнале *Eranos-Jahrbuch*. В переработанном виде вошел в сборник *Von den Wurzeln des Bewusstseins* (Цюрих, 1954).]

Архетипы коллективного бессознательного

¹ Гипотеза о коллективном бессознательном принадлежит к классу тех научных идей, которые поначалу кажутся странными, но быстро превращаются в хорошо известные и привычные концепции. Именно это произошло с понятием бессознательного в целом. Так, философская идея бессознательного, преимущественно сформулированная Карусом и фон Гартманом, сперва бесследно исчезла, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, а затем вновь появилась, но уже в области медицинской психологии.

² Изначально предполагалось, что содержание бессознательного включает лишь вытесненные или забытые элементы. Даже у Фрейда, который рассматривает бессознательное — по крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, оно, по сути, остается не чем иным, как скоплением забытых и вытесненных содержания, что и обуславливает его функциональную значимость. С этой точки зрения бессознательное носит исключительно личный характер¹, хотя даже Фрейд признавал наличие в нем архаических и мифологических мыслеформ.

---

¹ В более поздних работах Фрейд разграничивает инстинктивную составляющую психики «ид» и коллективное сознание «супер-эго», в рамках которого индивидуальное носит частично сознательный и частично бессознательный характер (так как подавляется).

³ Более или менее поверхностный слой бессознательно-го, несомненно, является личным. Я называю его *личным бессознательным*. Однако личное бессознательное покоится на другом, более глубинном слое, который формируется отнюдь не из личного опыта. Этот врожденный глубинный слой я называю *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективный», ибо эта часть бессознательного имеет не индивидуальную, а всеобщую природу; в противоположность личной составляющей психики, она включает содержания и модели поведения, которые встречаются повсюду и у всех индивидов. Другими словами, коллективное бессознательное одинаково у всех людей, образуя тем самым универсальный психический субстрат сверхличной природы, который присутствует в каждом из нас.

⁴ О психической жизни человека можно судить лишь по тем ее элементам, которые способны *проникнуть в сознание*. Следовательно, мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой можем продемонстрировать его содержание. Содержание личного бессознательного главным образом составляют так называемые *эмоционально окрашенные комплексы*, образующие личную и интимную стороны психической жизни. Содержание коллективного бессознательного, напротив, представлено так называемыми *архетипами*.

⁵ Термин «архетип» встречается уже у Филона Александрийского¹ в контексте *Imago Dei* (образа Божьего) в человеке. Также его можно обнаружить у Ириней Лионского: «...мироздатель сотворил их не от самого себя, но заимствовал из чужих первообразов»². В *Corpus Hermeticum*³ Бог представлен как *τὸ ἀρχέτυπον φῶς* (архетипический свет). Понятие архетипа несколько раз встречается у Дио-

¹ *De opificio mundi*, I, § 69. [Перевод на рус. яз. см.: Филон Александрийский. *О сотворении мира согласно Моисею*. — Примеч. пер.]

² *Adversus haereses*, кн. II, гл. 7, абз. 5: «Mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed de alienis archetypis transtulit». [Перевод на рус. яз. см.: Ириней Лионский. *Против ересей*. — Примеч. пер.]

³ Scott, *Hermetica*, I, стр. 140.

нисия Ареопагита, например в его сочинении «De caelesti hierarchia» (II, 4; «нематериальные архетипы»¹) и в сочинении «De divinis nominibus» (I, 6; «архетипический камень»²). Хотя Блаженный Августин само слово «архетип» не употребляет, в своем трактате «*De diversis quaestionibus LXXXIII*» он говорит об *ideaе principales*, которые представляют собой «некие первичные формы или замыслы вещей... сами не получившие форму... и заключены они в Божественном разумении»³. «Архетип» — объяснительная парафраза платоновского *εἶδος*. Для наших целей использование термина «архетип» в высшей степени уместно и целесообразно: он подразумевает, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем в виду древнейшие или, лучше сказать, первообразные элементы этого содержания, то есть универсальные образы, существующие с незапамятных времен. К содержанию бессознательного равно применим и термин «*représen-tations collectives*» (*фр.* — «коллективные представления»), предложенный Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном представлении о мире и подразумевающий практически то же самое. Примитивные родоплеменные знания тесно связаны с архетипами, видоизмененными особым образом. Это уже не элементы бессознательного; они превратились в осознаваемые формулы, которые по традиции передаются в виде тайных учений. Последние представляют

¹ Migne, *P.G.*, vol. 3, col. 144.

² Там же, col. 595. См.: *The Divine Names* (пер. Rolt), стр. 62, 72.

³ Migne, *P.L.*, vol. 40, col. 30. В аналогичном смысле термин «архетип» использовался алхимиками, например в «*Tractatus aureus*» Гермеса Трисмегиста (*Theatrum chemicum*, IV, 1613, стр. 718): «Как Бог [хранит] все сокровища своего божественного разума... в себе как в сокровенном архетипе [*in se tanquam archetypo absconditum*]... так и Сатурн скрывает в себе подобия металлических тел». В «*Tractatus de igne et sale*» Вигенеруса (*Theatr. chem.*, VI, 1661, стр. 3) говорится, что мир «*ad archetypi sui similitudinem factus*» (сотворен по подобию своего архетипа), а потому называется «*magnus homo*» («*homo maximus*» Сведенборга).

собой типичное средство выражения коллективных со-
держаний, берущих начало в бессознательном.

⁶ Другим распространенным выражением архетипов являются мифы и сказки. Впрочем, и здесь мы имеем дело со специфическими формами, которые передавались от поколения к поколению достаточно длительный период времени. Таким образом, термин «архетип» применим к «*représentations collectives*» лишь косвенно, ибо обозначает только те элементы психического содержания, которые еще не подверглись какой-либо сознательной обработке и, следовательно, представляют собой непосредственную психическую данность. В этом смысле архетип как таковой существенно отличается от формул, возникших в ходе исторического развития. В частности, на высших уровнях тайных учений форма, в которой предстают архетипы, свидетельствует о решающем влиянии их сознательной переработки. Непосредственные манифестации архетипов, с которыми мы сталкиваемся в сновидениях и видениях, более индивидуальны, менее понятны и более наивны, чем, например, в мифах. Это происходит потому, что архетип — а именно бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия, — приобретает особый оттенок под влиянием того индивидуального сознания, в котором возникает¹.

⁷ Если формальное значение слова «архетип» явственно простирается в его связях с мифом, тайным учением, сказкой, то установить, что такое архетип с *психологической* точки зрения, гораздо сложнее. До сих пор мифологи опирались на солярные, лунарные, метеорологические и другие подобные представления. При этом никто не обращал внимания на то, что мифы — это прежде всего психические явления, обнажающие естество нашей души. Первобытный человек не склонен к объективному опи-

---

¹ Необходимо различать «архетип» и «архетипические идеи». Архетип как таковой представляет собой гипотетическую, недоступную представлению модель, схожую с «паттерном поведения» в биологии. См.: *О природе психе*, разд. 7.

санию очевидного, однако испытывает настоятельную потребность — точнее, его бессознательному свойственно непреодолимое стремление — уподобить весь внешний опыт внутренним, психическим событиям. Ему недостаточно просто видеть, как встает и заходит солнце, — эти внешние наблюдения должны стать психическими событиями, то есть движение солнца должно представлять судьбу бога или героя, обитающего, по сути, в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, такие как лето и зима, фазы луны, сезоны дождей и так далее, есть не столько аллегория¹ объективных явлений, сколько символические выражения внутренней бессознательной драмы, доступной человеческому сознанию через проекцию, то есть отражение в явлениях природы. Такая проекция носит столь фундаментальный характер, что потребовалось несколько тысяч лет, чтобы хоть как-то отделить ее от внешнего объекта. Так, астрологию, эту древнейшую «*scientia intuitiva*», объявили лженаукой, ибо ее сторонники ставили психологическое описание характера в зависимость от звезд. Этот предрассудок жив и по сей день. Тем не менее каждый, кто способен исчислить гороскоп, должен знать, что со времен Гиппарха Александрийского точкой весеннего равноденствия считается 0° Овна. Следовательно, знаки зодиака, на которых основывается любой гороскоп, весьма произвольны, поскольку с тех пор эта точка сместилась в силу прецессии к началу Рыб.

⁸ Учитывая поразительную субъективность первобытного человека, нам давным-давно следовало догадаться, что мифы относятся к сфере психического. Его знания природы по сути представляют собой язык и внешние проявления бессознательного психического процесса. Именно в силу этой бессознательности при толковании мифов человек обращался к чему угодно, но только не к психи-

---

¹ Аллегория — перефразирование осознаваемого содержания; символ — наилучшее возможное выражение неосознаваемого содержания, о природе которого можно только догадываться, ибо оно еще не известно.

ческому. Он просто не знал, что психика содержит в себе все те образы, которые дали начало мифам, и что наше бессознательное является одновременно действующим и претерпевающим действия субъектом, внутреннюю драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в природных явлениях — как больших, так и малых¹.

⁹ «В твоей груди, и только в ней, заключены все звезды твоей судьбы»², — говорит Илло Валленштейну. Пожалуй, это изречение могло бы удовлетворить всех астрологов, если бы мы хоть немного знали о тайнах сердца. К несчастью, до сих пор наши знания этого предмета были крайне ограничены. Я даже не решусь утверждать, что сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону.

¹⁰ Родоплеменные знания всегда священны и опасны. Все тайные учения стремятся постичь невидимые психические события, и все они претендуют на высший авторитет. Еще в большей степени это справедливо по отношению к господствующим мировым религиям. Они содержат изначально сокровенное знание и представляют тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания провозглашают в образе и слове освященную древностью доктрину, делая ее таким образом доступной каждому верующему сердцу, каждому чуткому глазу, каждому, даже самому дальнему, уголку человеческого разума. На самом деле мы вынуждены признать, что чем прекраснее, величественнее, полнее этот передаваемый традицией образ, тем дальше он от индивидуальных переживаний. Мы можем лишь ощупью найти путь к нему, что-то почувствовать, но изначальный опыт давно утрачен.

¹¹ Почему психология является самой молодой из эмпирических наук? Почему бессознательное не было уже

¹ См. мои очерки о божественном ребенке и Коре, включенные в настоящий том, а также сопутствующие эссе Кереньи в сборнике *Einführung in das Wesen der Mithologie*.

² [Шиллер Ф. Пикколомини. II, 6. — Здесь и далее приводятся примечания редактора к изданию на немецком языке.]

давно открыто, а его сокровищница вечных образов — поднята на поверхность? Именно потому, что для всего психического мы имели религиозную формулу, причем намного более стройную и всеохватывающую, нежели непосредственный опыт. Хотя для многих христианское видение мира поблекло, сокровищницы символов Востока по-прежнему полны чудес, которые еще долго смогут питать нашу страсть к зрелищам и новым нарядам. Кроме того, эти образы — будь они христианскими, буддистскими или еще какими-нибудь — красивы, таинственны, интуитивны. Конечно, чем привычнее они для нас, тем сильнее они стираются от постоянного употребления; в результате от них остается лишь банальная внешняя оболочка и почти лишенная смысла парадоксальность. Таинство Непорочного Зачатия, единосущность Отца и Сына или Троица, не являющаяся тем не менее простой триадой, больше не окрыляют фантазию философов. Они превратились в собственно предметы веры. Отсюда неудивительно, что верующий разум и философские измышления образованных европейцев тяготеют к восточной символике — поистине грандиозным индийским представлениям о божественном и безднам философии китайского даосизма. Точно так же сердце и разум античного человека были захвачены в свое время христианскими идеями. Сейчас немало европейцев, которые настолько поддались влиянию христианской символики, что у них не развился кьеркегоровский невроз, или которые, в силу обеднения символики, трансформировали свое отношение к Богу в отношении «Я — Ты», чтобы затем пасть жертвой магии и новизны восточных символов. Подобное отречение не обязательно означает поражение; скорее, оно доказывает восприимчивость и жизненность религиозного чувства. Нечто похожее мы наблюдаем у образованных представителей Востока, которых нередко привлекают христианские символы и столь чуждая восточному духу европейская наука. Многие даже демонстрируют их завидное понимание. Тяга к вечным образам абсолютно нормальна, для этого они и существу-

ют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, подавлять. Они сотканы из изначального откровения и отражают уникальный опыт божественного. Вот почему они наделяют человека предощущением божественного, одновременно оберегая от непосредственного его переживания. Благодаря усилиям, которые предпринимал человеческий дух на протяжении столетий, эти образы, с одной стороны, запечатлены во всеохватывающей системе мышления, стремящейся упорядочить окружающий мир, а с другой — представлены могущественным, обширным, авторитетным институтом под названием Церковь.

- ¹² Лучше всего я могу проиллюстрировать вышесказанное на примере недавно канонизированного швейцарского мистика и отшельника, брата Николая из Флюэ¹. Вероятно, его важнейшим переживанием было так называемое видение Святой Троицы, которое он изобразил — или попросил изобразить — на стене своей кельи. Рисунок (его до сих пор можно увидеть в приходской церкви Заксельна) представляет собой разделенную на шесть частей мандалу, в центре которой находится коронованный лик Божий. Сегодня известно, что брат Николай исследовал природу своего видения с помощью иллюстрированной брошюры какого-то немецкого мистика. Много лет он занимался тем, что старался придать своим переживаниям более или менее понятную форму. Я называю это «проработкой» символа. Размышления брата Николая о сущности видения, выраженное влияние на которые оказали мистические диаграммы, использованные им в качестве отправной точки, привели его к выводу, что он, должно быть, узрел саму Святую Троицу — *summit bonum*, вечную любовь. Такое истолкование подтверждает и «подчищенное» изображение, которое поныне можно увидеть в Заксельне.

- ¹³ Первоначальный опыт, однако, носил абсолютно иной характер. То, что увидел брат Николай, оказалось настолько ужасным, что его собственное лицо изменилось, причем столь сильно, что люди стали его бояться. Увиденное

---

¹ См. мой очерк «Brother Klaus».

им обладало невероятной интенсивностью. Вельфлин¹ — старейший источник, которым мы располагаем на сегодняшний день, — пишет:

Все приходившие к нему с первого взгляда преисполнялись жуткого страха. Сам он объяснял это тем, что видел пронизывающий свет, напоминающий человеческое лицо. Видение было столь устрашающим, что он боялся, как бы его сердце не разорвалось на части. Охваченный ужасом, он тут же отвернулся и упал. Вот почему отныне его собственное лицо стало страшно для других.

¹⁴ Это видение по праву сравнивали² с апокалипсическим образом Христа, описанным в Откровении Иоанна Богослова (1:13). По своей отвратительности и необычности его превосходит лишь чудовищный семиглазый агнец с семью рогами (там же, 5:6). Крайне трудно увидеть связь этой фигуры с евангельским Христом. По этой причине ранние источники толковали видение брата Николая строго определенным образом. В 1508 году гуманист Карл Бовиллус (Шарль де Бовель) писал своему другу: «Я хотел бы рассказать тебе о лике, который привиделся ему на небе в звездную ночь, когда он предавался молитве и созерцанию. Он увидел голову человека с ужасным лицом, полным гнева и угрозы»³.

¹⁵ Это истолкование вполне соответствует современному развернутому описанию на основе Откровения Иоанна Богослова 1:13⁴. Также не следует забывать и о других

---

¹ Генрих Вельфлин, также известный как Lupulus, родился в 1470 г. Гуманист, преподаватель латыни в Берне. Цит. по: Fritz Blanke, *Bruder Klaus von Flüe*, стр. 92 и далее.

² Там же, стр. 94.

³ *Ein gesichte Bruder Clausen ynn Schweytz und seine deutunge* (Wittemberg, 1528), стр. 5. Цит. по: Alban Stoeckli, O. M. Cap., *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*, стр. 34.

⁴ Б. Лаво (Lavaud, *Vie Profonde de Nicolas de Flue*) проводит аналогичную параллель с текстом из *Horologium sa Pientiae* Генриха Сузо, в котором апокалипсический Христос предстает в виде разгневанного мстителя, что резко контрастирует с Христом, читающим Нагорную проповедь. [См.: Сузо Г. *Книжица вечной премудрости*. — *Примеч. пер.*]